

В. П. Пустовит

А. САНЬКОВ: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ АВТОПОРТРЕТ ПОЭТА

Лирика Анатолия Санькова пришла к читателю на излете XX в. Имя ему сделала газета «Камчатская правда», несколько лет кряду публиковавшая произведения поэта. В 1999 г. в Петропавловске была издана его книга «Русские стихи»; именно такие – чисто русские – они по духу, языку и художественным образам. Анатолий Саньков широко представлен также в коллективном сборнике «Три Брата» (2008), где собраны лучшие образцы поэзии Камчатки второй половины минувшего столетия. Настоящий доклад в значительной степени дополняет очерк о его творчестве «Один из “Трех братьев”», помещенный в материалах XXVII Крашенинниковских чтений.

Камчатский период жизни Санькова стал для него поистине судьбоносным. Здесь, на этой земле, он родился как поэт. Ей он обязан вдохновением. Она долгое время питала своими корнями его нежную поэтическую душу; оберегает и лелеет ее даже теперь, на расстоянии.

Мы с Анатолием переписывались, находясь сначала сравнительно недалеко друг от друга, потом, когда он возвратился к себе на Орловщину, нас разделяли уже многие тысячи верст. В саньковских письмах нашли отражение творческая биография и его особое виденье мира, отношение к окружающей действительности, к современникам, товарищам по перу. Выборка из его писем охватывает значительный отрезок времени (едва ли не полвека), позволяя проследить эволюцию мышления и мирозерцания поэта. Первое письмо, адресованное мне, написано им на последнем курсе Камчатского пединститута...

«1967, 19 октября. ...Школа берет много время, хотя, по сути дела, никакой воспитательной работы я там не веду. Практику прохожу в 12-й школе: один студент на всю школу. Ничего, лучше, чем в том году. Не знаю, чем тут объяснить. Может, классом, он – пятый, может, относительной свободой. Сейчас у нас осень. Когда смотришь на сопки, то их склоны напоминают протравленные ржью ковры... В сухую теплую солнечную погоду в сопках, в лесу очень уютно. Желтого цвета мало, а главным образом, ржавый или коричневый. Летом мы несколько заблуждались относительно осенних тонов. Стихов я пишу мало, может быть, потому что мало бываю на природе. К неприятному своему удивлению, я обнаружил, что школа отнюдь не нуждается в своих поэтах. Если нужно заполнить какую-то страницу в стенной газете литературного уклона, то, не задумываясь, берут любое мало-мальски грамотное стихотворение какого-нибудь третьеразрядного поэта и заклеивают им голое место. Так что, на что, на что, а на стихотворения спрос не велик. Я имею в виду стихи провинциального происхождения. ...Все это, естественно, ухудшает настроение, а с таким настроением и осень не радует, и стихи не пишутся. Они только иногда проносятся в ясном сознании, как стаи птиц перед отлетом, и пропадают в синем небе.»

1970, 10 июля. ...Науменкова благословил сам Варно, весьма и весьма тепло отозвался в маленьком вступлении к Володиным виршам в “Камчатской правде”. Но стихи действительно серьезные. ...Я, наверное, буду перебираться к родным местам. Там я словно переродился. Не забывал и о творчестве, всякое передумал, благо, кроме пшеницы да клевера, некому подслушивать тебя. ...Дорожи своим достоинством, будь добрым к скромным людям и больше ничего не нужно. Спокойно взирай на пустую суету, не завидуй обладателям роскошных вещей и блестящей жизни, живи, как мыслишь в своем образе. Образование тоже не великая заслуга. Умнику с книгой по пути, но и без нее он не заблудится. Это – не советы. Чем больше станет на земле справедливых душ, тем будет чудесней повсюду...

10 августа. ...Из корифеев остался только Вольдемар (Науменков. – В. П.). Он подготовил сборник, а посоветовавшись со мной, отобрал на всякий случай и все остальные, “не прошедшие по первому отбору”, произведения. И правильно поступил. Труд нужно уважать. А ведь он серьезно трудится более десятка лет и, пожалуй, пора потеснить менее талантливых “собратьев”, расплодившихся на кочках издательств...

18 октября. ...Леша Власов идет помполитом на БМРТ. Я намекал ему, мол, оставляй мне квартиру – не ради какой-то корысти: просто тесновато стало дома. Но Леша что-то не решился. Наверно, впустил семью из УОРа какую-то. Вольдемар по-прежнему корпит в “Комсомольце”... Вижусь с ним часто, беседуем о разных разностях, поглядываем на твои окна, проходя по Ленинградской...

...Да, Камчатка, нужно отдать должное, все-таки удивительная страна. Есть в ней и горы, и

леса, и реки, и океан, пожалуйста, и равнины также, и больше, чем где-либо свободы. Это не значит, что человек должен забывать о своей родине. Но Камчатка великолепна. Обойти бы ее или обогнуть морем да выдать типа “Угрюм-реки”. Науменков имеет такую мысль. Поэзией занимаюсь много. А вот наступит учеба (автор учился во втором, техническом вузе заочно. – В. П.), отложу снова до лета-осени. Стихотворение, которое высылаю здесь, в какой-то мере типично в моих наблюдениях. Оно посвящается Н-но, не ребятам, а ей, которую встретил в отпуске и о которой самые светлые помыслы, несмотря на всякие неожиданности в жизни.

1972, 17 июня. ...Здесь, на Орловщине, как явствует из газет, литература давным-давно утратила свои богатые традиции художественности и стала одной из статей экономического баланса. Посуди сам. Пишет некий Н. Гречихин (фамилия, черт возьми, есенинская): «Давно сознание шепчет мне:/ ты в полеводстве мастер редкий./ Плоды труда родной стране/ дари десятой пятилетке».

17 июля. ...Живу в той же местности, в той же обстановке. Жарища нет спасу – до 35 ползет. Правда, я привычен к этому, загорел, как индус. ...Пишу я тебе, конечно, редковато. Но откуда тут новости? Разве что людей слишком много перемерло в нынешнем высокосном году. Один мужик даже повесился, крепкий был хозяин, кулак Черноземья. И усадьба, и богатство – все пошло прахом...

19 августа. В моей жизни, Валентин, произошла большая перемена. Женился. Долго терпел, но не выдержал. Свадьба была по правилам и обычаям села. Родом мы с ней из одной деревни и, естественно, знакомы с детства. ...Не знаю, может быть, следовало спросить твоего, Володиного совета на предмет женитьбы. Может быть, и преждевременно это и ничего не выйдет из этого. Но, видимо, чему быть, того не миновать. Нужно все испытать. ...но почему-то супружеская жизнь не принесла того наслаждения, о коем мечтал я. Все гораздо проще и обычной, без особого восторга.

1 октября. ...На дорогу (до Камчатки. – В. П.) я себе заработал. Трудился в колхозе с 20 июля до 1 октября. Сначала во время уборки учетчиком тракторной бригады, а сейчас машинистом свекловичного комбайна. Объездил или исходил все поля нашего колхоза им. Жданова, побывал во всех селах колхоза, многое увидел впервые, хотя сельские порядки мне не в новинку. Крестьяне сейчас живут зажиточно, не то что в годы моего детства. Правда, грязновато, но в летнее время это почти не заметно. В колхозе сейчас платят деньги. Механизаторы... рублей до 200–250 получают в страдную пору. Рядовые колхозники, естественно, поменьше, но тоже около сотни. Мне, учетчику, платили 80. На комбайне получу больше.

Многое зависит и от того, кто во главе колхоза. Земля у нас богатая, жирная – чернозем, но хозяйничали в колхозе долгое время жулики и мародеры. Сейчас пред. колхоза молодой, но опытный специалист с высшим образованием, агрономическим. Может прочесть целую лекцию по своему делу и, к тому же, развит и начитан. Можно сказать, интересный человек. Жена его экономист. Примерно нашего возраста и все остальные ведущие специалисты. А стариков сталинской эпохи давно вытеснили, они, в лучшем случае, работают бригадирами.

В общем, хозяйство встало на ноги. Но... очень многие пьют. Иные дни уборка останавливалась, т. к. буквально все трактористы и шоферы набирались до поросычьего визга. А вот как-то недавно на уборке кукурузы кое-кто из трактористов к концу дня не мог удержать штанов на поясе. Появление парторга ничуть не смутило мужиков. Иным весельчакам нередко перепадает по 15 суток...

1974, 29 октября. ...Очень интересно читать о литературной жизни на Камчатке, хотя в самой этой жизни, как ты признаешь, мало литературы. Но ведь надо признать, что вина в этом лежит не только на бездарных людях, отчасти и на вас, одаренных: на тебе, Володе, Леше. Ведь вас трое, а может быть, есть еще, кто идет за вами. Вам, как говорится, и карты в руки.

1975, 27 июня. ...Сынок мой подрастает. Живет в Путимце... На меня во многом похож, а кто из него будет, судить рано. Но я бы его хотел воспитывать в селе – в окружении природы и простых открытых людей. В городе народ недобрый, а детвора чересчур развитая. Письмо твое получил давно. Благодарю за организованную тобой передачу (на камчатском радио. – В. П.) о моих стихотворениях. Я всегда говорил и думал, что вы с Володей (Леша тоже) люди во всем бескорыстные. Володе мой земляцкий привет и наилучшие пожелания. Журнал “Дальний Восток” (с творчеством камчатских литераторов. – В. П.) перечитал много раз; очень интересно. Володины строки – лучшие, а Варно в прозе. Интересно было узнать о зарождении и развитии литературы на Камчатке. У Гропянова с большим удовольствием прочитал небольшое лирическое отступление в повести “Атаман” о камчатской осени. Он нигде не видел осени багрянее и краше, чем на Камчатке. И дальше – описание. Я почти не пишу... В смысле прозы задумок больше нет. Нужно править и обрабатывать на-

писанное и когда-нибудь пьесу одну выродить. Стихи тоже предстоит доделывать, в порядок приводить. Иногда, сидя на лугу, уловишь запах подсушенного сена и подумаешь, что осень не за горами. Грачи и то кричат не по-весеннему.

Ушел полуденный июль.
От зноя вылиняла просинь.
Мне спать под вечер не дают
грачи, почуявшие осень...

2 октября. ...Письмо твое получил давно, с интересом читал о жизни литературной Камчатки, обо всем, что написано тобою. Порою мне и самому хочется очутиться на берегу Авачи, азатем пешком пройти весь город и под конец заглянуть либо в подвал “Камчатского комсомольца” (редакция располагалась в полуподвальном помещении здания обкома КПСС, на ее месте конце XX – нач. XXI в. будет Центр документации новейшей истории Камчатской обл. – В. П.), либо к тебе на радио. Приятно было бы не спеша подняться и на сопку напротив нашего дома – 12-го магазина, где написана добрая треть моих стихотворений – без преувеличения. ...Летом литературой занимаюсь от случая к случаю. Переписал отдельно последние разрозненные стихи. В этом отношении теперь порядок. С десяток виршей написал. Пьесу сочинил – так, средних размеров, но ее предстоит дорабатывать. Словом, теперь мне в течение нескольких лет надо, не торопясь, доработать старый роман, повесть «74 года» и три рассказа, написанные зимой. ...Лето, считай с апреля, чудесное. Теплынь и теплынь, а в середине жара. Много купался, особенно это приятно в пруду в Нижнем Путимце, место распрекрасное, как на старинных картинах в дворянских поместьях. Не знаю, как долго простоит этот пруд, но его описать не прочь был бы любой художник или композитор. Осень тоже изумительна. В сентябре выдалась только одна неделя прохладная, правда, без дождей. Дожди нынче вообще сгнули. Представь: небо без единого облачка и пятнышка – синее-синее. Листва на деревьях совсем желтая, изрядно поредела. Маленькие листики с берез кружатся вместе с широкой листвой тополей, кленов, ольхи. Только дуб еще зелен да многие ракиты. Яблони почти разодеты. Наступивший октябрь не внес изменений в природу. Так же тепло: около 25 днем, но вечером и утром появились заморозки. Вода охладела. В обед развалюсь где-нибудь у дерева и нежусь под ласковыми лучами уходящей осени. Как хорошо, что ни дождей, ни грязюки...

1976, 3 марта. ...Уже писал тебе не раз, но, даже если б и не писал, что вряд ли что сгубит наше родство душ, мыслей и взглядов. Ты с Володей да и Леша слово всегда со мной, и наши беседы – самое приятное и благостное, что есть в этой скучной жизни. ...В деревне оживаю, в городе тупею не только за нудной и неинтересной работой, но и из-за неинтересных людей. Неинтересных людей в материковских городах бездна. Суется, мельтешат, как мышата, и все из-за куска хлеба. Мышинный социализм. Но попадаются и тут люди, чьи взгляды шире обыкновенного обывателя... Нет-нет, да встречаются бывшие дальневосточники, в т. ч. и с Камчатки – эти совсем уже неплохие люди. Не знаю, как для кого, а для меня Камчатка была таким же местом, как когда-то Кавказ для волюндумцев или Дон для беглецов из средней России. ...В смысле литературной жизни мне гораздо легче, чем вам, ибо я как-то безалаберно отношусь к тому, печатаюсь я или нет. Пусть не печатаюсь сегодня, завтра все может измениться. Пути судьбы неисповедимы...

1 июня. ...Хорошим друзьям старинным, особенно людям творческого начала, совсем не обязательно жить бок о бок – такая жизнь приедается – но жить месяцы и годы без общения никак нельзя. Это худо во всех отношениях. Вот, допустим, взять меня, к примеру. Конечно, я живу в родных местах среди родной природы и с детства знакомых людей. Но вот когда я общался с вами, то это общение заменяло мне и природу, и родные деревенские места. Как-то интересно было спорить, обсуждать разные темы, писать. Но вот уже два с лишним года как-то и природа меня мало вдохновляет. То, что, бывало, давалось мне в месяц, сейчас не дается и за год. Потому что нет общения с духовно родственными людьми. Так, перекипишь в своем соку и остынешь...

10 июля. ...Должен сообщить тебе, что привелось и мне побывать во Фрунзенском, т. е. в Крыму (у нашего общего друга прозаика и философа Александра Филимонова. – В. П.). Встретили и приняли меня хорошо, короче, как своего. И все время, сколько я там жил, – пять дней – меня не покидало чувство какой-то породненности, близости, удовлетворенности. В общем, жил я там, как у себя в деревне. Мать Саши удивительной доброты человек, да и отец славный. Но он лежал в Алуште в больнице. Мы ездили туда. Болезнь незначительная, наружная, и его давно уже, видимо, выписали. Жена Фили тоже мне понравилась, особенно своим поведением. Словом, я всем им

очень благодарен. Думаю, что эта поездка не последняя. Сам Крым произвел на меня двойственное впечатление. Чем-то он (внешним обликом) схож с Камчаткой. Погоды жаркой тоже не было. Вода была прохладная, еще не купались. Я раза два ополоснулся и вылез. Красивые виды с моря – с катера. И на море виды хороши. Но в Алуште и Ялте поражает и раздражает скопление людей. Ими усеяны и пляжи, и улицы городов. Повсюду реклама, индустрия туризма бьет ключом. Раньше я не думал, что отдыхающий, праздный люд может так же раздражать, как и вечно суетной работающий народ. Видимо, мне, деревенскому жителю, привыкшему к полевой тиши, простору и спокойствию природы, никогда не суждено приблизить к сердцу город с его многолюдностью и индустриализацией. С Сашкой мы много бродили, беседовали. Привозил я ему и читал стихи свои. Кроме того, из интереса объехал я весь южный берег Крыма на катере. Хорош Крым в том отношении, что там хорошее снабжение, пиво тоже везде – не сравнить с забытыми среднерусскими городами. Много в Крыму зелени: разных деревьев и всяких цветов, но почему-то этот цветник нисколько не пахнет. (Сашка тоже уверяет так.) Наша среднерусская природа гораздо скромнее, но какие сейчас запахи по деревне, наливаются рожь, полевые травы в цветении, и сено пахнет – сам знаешь как. У реки посидеть особенное наслаждение. Правда, она обмелела.купаются сейчас в другом месте, не там, где мы загорали. К сожалению, лето нынче сдержанное, прохладное, но оно пока еще не законченное. Все надежды на вторую половину июля и август. Очень много переговорено и передумано во Фрунзенском. Ты с Наумковым тоже словно присутствовал там. Сашка сказал, что ты якобы окончательно разуверился в России и никогда больше в нее не заглянешь. Сам же он признался, что стал больно тяжел на подъем и поэтому вряд ли куда денется с Крыма. Камчатке посвятили не один час. Как я понял, Филю подчас не удержишь, назад. Он даже как-то признался, что непременно съездит туда, но затем начал что-то плести о крымской теплоте, ласковости Черного моря и прочем. Да что тут много говорить, человеку, прожившему 20 лет, 20 лучших лет жизни на одном месте, трудно привыкнуть к чужому краю. Сашка по-прежнему незаурядный критик в области литературы и искусства. “Базаров” – как я охарактеризовал его некогда. Спорить с ним, особенно мне, бесполезно. Но если хорошенько поразмыслить и разобраться, то и спорить-то не стоит. Он настолько логичен, поражает знаниями, убеждениями, что ничего другого не остается, как соглашаться с ним. Вообще, как я вижу, ребята у них в роду все умные. Хотел я с Валентиной Феодосьевной съездить в Севастополь, но сын ее был в командировке в Африке. Сейчас опять работа ежедневная, монотонная. Стихов полтора месяца не пишу. Думаю в оставшиеся дни лета переписать начисто пьесу и пару рассказов. Конечно, проза – не моя стезя. Тут я действую по принципу: что выйдет, то и выйдет. Изменился подход к стихам: ни в коем случае не торопить мысль, писать только по великому желанию, т. е. по вдохновению – так слаще. Написанного очень немало, дай Бог, чтобы прочли добрые люди. Есть у меня массивная, почти детская книжница стихов поэтов-классиков, объединенная одной темой “Приметы осени”. Душевно, живописно, как-то пленительно. Так ныне на Руси не пишут, ох, хо-хо – не пишется!

17 августа. ...Лета уплывают, а проблесков на хорошую публикацию никаких. Так-то оно, дружище. Прежние бы литераторы, поживи с годик на нашем месте, давно бы или пострелялись или перевешались. Это вот нас эпоха сделала железными людьми. Будешь писать, вышли что-нибудь из нового. Почему-то последнее время я часто повторяю про себя твои: “Мы уснули на подушке./разомлевши от тепла./Покидают тотчас души/наши грешные тела...” Люблю я такое в классико-душевно-тонном. Или – “Вот мы ступаем робко/по крашеному полу...” Или – “застекленный меж сопкок ручей...” ...Погода как в ваш исторический приезд с Крыма два года назад.

26 октября. ...Передавай привет и добрые пожелания всем нашим, Володе. Я и минуты не сомневался в том, что он снова вернется на Камчатку. Материковская жизнь не по нему – ни по его уму, ни по его карману. Тут людям нужно крутиться волчком, чтобы мало-мальски обеспечить себя куском жратвы. И вообще, людям творческим на материке жить – означает влачить серое скудное прозябание, ибо здесь почти не за что уцепиться положительное, негде отдохнуть, разве что в собственных воспоминаниях и в душе. Но с обратной стороны случай с Владимиром (да не убоюсь вызвать его отрицательную реакцию) показал отсутствие стойкости перед трудностями, слабование. Вот если б он продержался года два-три на западе, вдосталь хлебнул всей этой горечи, тогда бы он вернулся героем назад. Так что не вправе мы называть его страдальцем. Его страдания на Камчатке еще полбеды. Только когда человек перестрадает, поблуждает, поморится, в нем что-то заронится Христово. Преждевременное бегство на Камчатку – то же самое, что бегство за границу при первом же столкновении с действительностью. Кто же в конце концов должен остаться на материке? Одни подлецы да лизоблюды? Писать со стороны, издали о нуждах и муках народных – оно, конечно,

легче и проще. Однако, как бы то ни было, теперь вы вместе, и я перед вами преклоняюсь за то, что вы открыли мне глаза на сущие вещи. ...Валентин, в юношеские годы ты умел за себя постоять, и сейчас действуй так же, ибо ты перестанешь быть Пустовитом. Когда-нибудь камчатские потомки будут перечитывать и изучать тебя и нас. Ни в коем случае жизнь не должна быть прожитой напрасно (прости мой реализм) и без цели.

1977, 25 января. ...Володя рассказывал: столица – та же психиатрическая больница, любого здорового сделает душевно больным. Он порывался все время на Камчатку. ...Сильно я отстал в духовном и социальном развитии, и не знаю, за что, собственно, ратовать и за что бороться. Единственное, чему я радуюсь как ребенок – это свиданию с природой, запущенной деревней, моим малышом, заочному свиданию с Камчаткой, океаном, давними друзьями. Хребты, океан, видимо, никогда не покорятся цивилизованно-индустриальному миру, а если он задумает навязать Камчатке свою волю, она погребет его либо под вулканической лавой, либо под морской волной... Камчатка да, может быть, Крайний Север, остались последней вольницей на этом свете.

18 июня. ...Пишу мало, в среднем по 1–2 стихотворения в месяц. В мае-июне переписал начисто стихи последних четырех лет, а также рассказы (три) и пьесу. Теперь к ним уже нечего прикасаться. Осталось переписать, отредактировать повесть, но на нее нужно месяца два. Надо сказать, что в прозе мне много не хватает. Слабоват я в ней, как-то бледна она у меня по сравнению иными произведениями нынешних литераторов, не говоря уже о классиках. Очевидно, тут нужна большая и кропотливая работа, обстановка и все прочее, а также практика. Подчас задумываюсь о посещении Камчатки, хотя бы кратковременном...

12 июля. Приятной новостью, вернее подарком, стала для меня книга коллектива камчатских литераторов, что ты передал мне с матерью. Не вошли в эту книгу лишь ты да я по причинам, от нас не зависящим, но не станем сетовать на себялюбие людей повыше нас рангом. Особенно мне запомнилось, как-то врезалось в память и полюбилось стихотворение Володи о сенокосе на Сейме – на родной его Куршине. Оно близко мне по тематике, очень естественное и вместе с тем совершенное, достойное классики. Это стихотворение, будь я хозяином просвещения, немедленно внес бы во все хрестоматии, начиная с младших классов и кончая литинститутом. Да, Валентин, не умаляя наших удач и таланта, признаюсь, что за поэтом Науменковым нам не угнаться. Лично для себя я оставляю третье место после его и тебя. Нравится мне и то, что я знаю у Лещи. ...Месяц, даже больше отдыхал после переписи тетрадей. Половину повести, может быть, сделаю к осени, вторую – следующим летом.

13 сентября. ...Почему Володины, далеко не безоблачные в житейском плане, вещи нет-нет, да появятся на литературном небосклоне Камчатки, а твоим нет доступа? Как мне кажется, прежние твои неприятели в “Комсомольце” и “Правде” уже не у дел. Давай действуй победоносно, раньше тебя этому не нужно было учиться.

1978, 24 февраля. ...Три вещи мне частенько не дают покоя, вещи, считай, далекие от духовных запросов. Прежде всего, отсутствие собственного жилья в городе и перспектив на его приобретение. Одному так жить – куда еще ни шло, а двоим так надоедает. Одна надежда на кооператив. А чтобы казенную квартиру получить здесь на западе – нужно родиться в рубашке. Всюду бласт, взятки да просмотр: партийный ты или нет. Можно еще терпеть власть денег, которая сама по себе еще не власть, и люди при ней фактически равны. Но когда одни люди – целый аппарат стоит и будет, может быть, вечно тяжело стоять над другими, такая система каторжная. Второе, что никак меня не устраивает – это выбор места жительства. Город... суежной, безликий, мещанский, к тому же, целиком и полностью зависящий от прихотей столицы. Современный город из стекла и бетона, кишасший машинами, что крысами, просто отталкивает. Не выход – и деревня. Да, спору нет, деревня великолепна пейзажами, тишиной, спокойствием. Народ здесь гораздо приятнее горожан. Но, к сожалению, этим преимуществом все и кончается. В деревне работу по своему выбору не найти. Либо иди на ферму, либо к технике. Но и этого мало. Без личного двора, т. е. без скотины, колхозного заработка тебе никак не хватит. Привольно жилось когда-то в селе дворянам, а теперь в нем место только пенсионерам. Третье, что иногда тоже заставляет задуматься – это будущее, теперь уже не такое далекое. Нам уже по 33, считай, полжизни позади, а чего добились? Да ничего. ...Я не раз задавал себе вопрос: зачем уезжал с Камчатки? А теперь... Что теперь... На Камчатку сейчас мне было бы так же тяжело вернуться, как дать согласие на опасную операцию, после которой или рай или бездна. С Камчаткой связана юность, романтика, мечты о море. Но юность-то ушла, и это случается с каждым человеком. Никто не может быть юным до старости. Иногда Петропавловск видится мне прекрасным экзотическим местом на фоне безбрежно синего простора океана. Тогда он манит

своим теплом. Но чаще он видится ледяно-знойным, спеленытым в толстые снега, неудобным и холодным к пришельцам с материка, а еще далеким, как холодные звезды в ночи. ...Будешь писать, напиши, что случилось с литераторами Камчатки – Дружининым, Коркиной, Кирпищиковым и прочими, когда-то вхожими в твою квартиру. Не помышляет ли Сашка променять Крым на Камчатку и кто из прежних преподавателей работает в пединституте? Как здоровье твоего сынишки и скоро ли ему в школу? В общем, я интересуюсь всеми малыми и большими явлениями камчатской жизни. Присылай, если тебе не трудно, новинки своих сочинений.

1979, 2 марта. ...Зима тоже порою приятна! Вот как выглядит она в нашем краю. К вечеру небо очистилось, и высыпало столько звезд, что даже не будь месяца, все равно было бы светло, как днем. Мороз крепчает, обжигает лицо. Хорошо, что безветрие. Далеко в поле маячат скирды соломы. Скрип шагов по звонкому снежному насту то тут, то там спугнет засидевшегося зайца. Дорога – одинокий след полозьев – то катится по широкой равнине, то ныряет в сугроб, то заведет в кусты ольшаника. И кусты, и большие деревья сплошь опушены инеем, напоминают чем-то цветущие весной яблони. А дорога ведет дальше. Вот впереди на небосклоне заблестело невысокое зарево. Деревня. В ясные морозные ночи такие зарева видятся за 30 и больше километров. Хорошо с мороза попасть в теплую хату, посидеть, поговорить вдоволь с домашними, прихлебывая крепкий чай и слушая, как трещат в печи дрова...

1980, 2 сентября. ...Из твоего письма я уяснил, что тебя одолевают какие-то навязчивые мысли, связанные с неполадками на работе. Чихать на работу. Ибо все это суета сует. Не важно, где работать, лишь бы не изменять самому главному, что мило душе – творчеству. А работа, какая бы она ни была, в любом случае это извечная наша поденщина. Я доволен, что ты по-прежнему крепко держишь в руке перо и имеешь кое-какие определенные планы в отношении будущих изданий. ...В эти дни невольно вспоминаешь десять лет назад сказанные тобой слова: «Следующей будет Польша». Те же события, те же августовские дни. Какое-то здесь неумолимое единство.

1980, 21 января. ...Поздравляю тебя с этим, пусть скромным, но все же кое-что значащим, дебютом в большом поэтическом мире. В наши-то лета можно было бы предъявить и более крупные требования. Но что поделаешь... Хорошо то, что шаг за шагом отвоевываешь себе место в литературе. Стихи, что напечатаны в “Камчатке” (лит.-худ. сб., 1979. – В. П.), мне знакомы и мое мнение о них самое лестное для тебя, ибо кривить душой тут нечего – они выглядят лучше других, кто также представлен в сборнике. Так что, Валентин, не зевай, пока г-н Гропянов (дай бог ему здоровья и процветания) у кормила издательства. Всеми силами проталкивай, и как можно больше, свои сочинения.

27 февраля. ...Владимир и Алексей пусть не думают, что они для меня такие же, как все остальные люди. Они, а особенно Володя, оставили свой след в моем мироощущении – после тебя, естественно. Ну, а о расстановке сил на литературном поле я теперь вполне осведомлен благодаря твоим новостям, и она складывается, полагаю, в вашу пользу.

1982, 14 мая. ...Я пишу слишком мало, редко. Причины наиболее явные – течение лет, заботы о хлебе насущном и домашнем угле. Впрочем, ты тоже не отговаривайся, и тебя ждут подобные мысли. Нам бы родиться да жить в иные времена.

30 октября. ...Всем, кто наделен талантом свыше, надо всегда помнить, что этот талант должен проливаться на эту грешную землю, у кого обезболивает души, у кого, наоборот, наполняя их горечью. Может быть, в этом смысл призвания.

1983, июнь. ...Ты сетуешь на частое отсутствие вдохновения. Но, видимо, с возрастом это неотвратимо, к тому же окружающее вызывает только тоску и раздражение. С каждым годом такое ощущение усугубляется, невзирая ни на какой оптимизм. Правда, я стараюсь не поддаваться наплыву или натиску всякого рода удручающих мыслей, равно как большому или малому людскому злу, видя свое превосходство в презрении презренных мира сего, но все равно оптимизм и вера в удачу далеко не те, что на заре юности. ...Я думаю, вы не сдали свои позиции перед молодыми, которые, пусть и камчадалы по рождению, никогда не увидят истинного лица прежней романтической Камчатки, ее истинной души.

1986, 30 января. ...Наши лета пошли на спуск, тени за нами все длиннее, как под вечер летом, так что не стоит удивляться, что мы чаще оглядываемся назад, нежели смотрим перед собой. Позади лучшая, славная половина жития, впереди нечто расплывчатое, тусклое, словом, какое-то угасание. Человек теряет в бодрости, причем скоротечно. У вас, значит, в литературе верховодят все те же волки, а вокруг них плодятся молодые хищники. А вот кто не очерстел душой, не загрубел в этой толпе, остается по-прежнему вне внимания читателей. Но кто теперь эти читатели!..

Абсолютно никто и ничто не вдохновляет. Люди становятся все неприятней. Рано или поздно всех их настигнет какая-нибудь беда. Настолько они чем-то поражены. Все они в бегах, в суете, нервы навывкате.

1987, 18 декабря. ...Перед Новым годом, Валентин, люди и хорошие и плохие какое-то время вроде бы стараются сродниться, быть естественней и вроде бы исповедываются друг перед другом. Вот и мне хотелось бы поделиться своими желаниями, тем более, что по натуре своей, будучи деревенским, славянским, я старался идти не куда попало, а по ступенькам какой-то плановости, и в этом всегда сочувствовал немецким образцам, даже подражал. Раньше у меня с этими планами получалось, когда я был свободным. Теперь, с годами, у меня от этой целеустремленности осталось только кое-что. Но все-таки... Перво-наперво у меня, так сказать, стратегическое: издать при жизни хотя бы один, на худой конец, сборник. И не тщеславием тут больше пахнет, а естественным протестом против произвола судьбы (субъективного) и общества (объективного). Пусть я не силен и не “выдающийся”, но я и не лезу на их полку, а пусть мою освободят иные проходимцы. Всегда была у меня и другая задача: найти работу, профессию, соответствующую моему нраву и душевному состоянию. ...Вот, у вас на полуострове я все-таки нашел бы свое место. Там еще не перевелась романтика. Появились у меня, и не в последнее время, еще две идеи, но они, по всей видимости, явно невыполнимы и нереальны. Я всегда был равнодушен к людям самостоятельным и самостоятельным, коими привлекает Запад. У нас же в подавляющем большинстве серость, вялость и нищета. Нищета или полунитория – такая же оскорбительная участь для человека, что и рабство. Но разве у нас можно рассчитывать на самостоятельность, когда “каждому – по труду”. Воровство же не менее брезгливое занятие, чем рабский продажный труд. Я таким “обеспеченным” не завижусь. Когда великого Вольтера спросили, а не мешает ли ему богатство (в конце жизни он стал банкиром, владельцем фабрики) его чисто литературной славе и вообще зачем оно, он ответил: “Оно мне позволяет быть на равных с королем и даже смею глядеть ему в глаза”. А при нашей жизни, забитой (т. е. переполненной) всевозможными чинами и преуспевающими дельцами, “маленькому” человеку подчас просто невмоготу. На него смотрят-то порой как на шута...

1988, 1 апреля. Валентин, здравствуй! Вот и под меня подкопалось-таки страшное горе: потерял я самого близкого человека в моей жизни, и что самое обидное и непоправимое – не пришлось мне присутствовать в тот роковой час при его кончине, не пришлось увидеть его последние взгляды накануне черного заката. По нашей ли, не по нашей ли вине это произошло, все равно этого упущения простить себе невозможно, даже после этого и не знаешь, как быть и что делать – такое потрясенное состояние...

Пусть дней моих свеча еще мерцает,
но и она бессильна перед тьмой –
той вечной тьмой, что силой отрицанья
похитила прекрасный образ твой.
Со мной такое в точности случится,
когда вконец наскучит мир земной,
сойду в сырую, как и ты, темницу,
холодный, безучастный и немой.
Но если в том глубоком заточеньи
мне доведется встретиться с тобой,
не буду я молить о возвращеньи
туда, где жил под солнцем и луной.

Начало мая. ...Мы с утра в Орле отправились в Никитинский кафедральный собор на 40 дней. Там было все торжественно и свято. С 8 утра началось богослужение. Света заказала все, как положено и что положено. Мы молились за упокой души бабушки все четверо. Заказали поминальную до полугода. Полгода будут поминать рабу Божию Пелагею. А потом еще продлим. Служили в церкви четыре священника. Затем мы исповедались и причастились. Я сказал священнику, что грешен, не взяв в свое время бабушку в город. Господь рассудит когда-нибудь и меня. Тетя Лена и тетя Нина Черникова оставались поминать до половины двенадцатого, а я поспешил в 10 часов в другую церковь Иоанна Крестителя, ибо перед маем договорились с тамошним священником о. Мефодием, а еще с таксистом Сашкой, чтобы помянуть бабушку непосредственно на ее родине. Договорились встретиться в начале одиннадцатого. В 10.20 я уже был у ворот церкви. Последние

старушки покидали ее. Сердце мое колотилось: неужели опоздал? К счастью (бабушка действительно святой русский человек), о. Мефодий еще не ушел. Он признал меня, любезно выслушал, но сказал, что приболел, выехать не сможет, но попросил это сделать другого священника – о. Александра. Я дождался о. Александра, познакомился с ним. Он мне тоже понравился, и пока он переодевался, я нес дежурство у ворот, ожидая таксиста. Не подвел и парень, появился вовремя, а еще сказал, что, если бы его послали куда-нибудь еще, он непременно прислал бы ко мне другого таксиста. Не перевелись все-таки добрые души и у нас на западе Руси. Сели мы и поехали. Дорога была хорошая, погода теплая, сухая. Где по шоссе, где по грунтовой быстро доехали до Никулино. Отомкнул я хату. Священник начал исполнять свои обязанности. Затем я все закрыл, поехали на кладбище. Там о. Александр тоже совершил свое доброе божеское дело. И только мы трое стояли в тот день на кладбище у могилы бабушки. А день был солнечный, пахло зеленью и стариной. 3 мая – день рождения бабушки (ей бы исполнилось 85. – В. П.) и ее сороковины. Постояли мы, порассуждали о делах мирских, суете земной и о неземной вечности и, покинув уголок старины, вернулись в Орел. Бабушкина душа теперь в небесах, и она непременно теперь в хорошем месте. А нам ее помнить, доколе суждено жить.

Конец декабря. ...Как я живу? Пребываю в неизвестности, как кулик на болоте. Обращаться к кому-либо по творческому родству за помощью – бесполезное дело. Хорьки ни за что не согласятся принять в свою среду какого-то новоиспеченного литератора. Одна надежда на еще более вольные времена да на случай, именно случай...

1989, 17 февраля. ...Прежде всего, большое тебе спасибо за берингоморское поздравление (с днем рождения, отправленное из командировки. – В. П.)... Вспомнились мне бескрайние тихоокеанские просторы, вечно несущиеся куда-то волны, суда и моряки, подчас совершенно далекие от серого земного бытия, а также берег – Петропавловск с его лучшими бескорыстными жителями, наподобие тебя и Володи.

1990, февраль. ...На смену нашему поколению, а может и на наше место, лезут новые представители, но я что-то не доверяю им, ибо они рождены каким-то нехорошим настоящим временем, когда природа человека лишается многого земного, превращается в некий слепок агрессивного и урбанического, когда сознание и плоть превращаются в геометрические формы и программы. Как утеряли мы Русь в 1930 и 1960-е годы, так и не найти ее теперь. ...Люди в деревне настолько изменились, что они, наверное, ничем теперь не отличаются от западных крестьян. ...Был я по первозимку в Никулино, когда по дороге с “России” (колхоз. – В. П.) решил посетить заветное местечко. Все там, как прежде, и – не совсем. Заросли репейника и буряка да бабушкина хата с покосившимся трубой над крышей. Крыша еще держится. Охотников много бродит по полям – как бы не подпалили неназванным хатенку...

24 декабря. ...Недавно получил от тебя газеты (“Камчатскую правду”. – В. П.) с моими стихотворениями и весьма был обрадован всему. Никаких претензий по части содержания, ни по заголовкам – все как будто только открытое мной: как первый снег. Благодарю тебя и за эту заботу, и за предыдущие, на которые ты не скупился никогда.

1991, декабрь. ...Вот, Валентин, и откатился в небытие еще один период и, можно сказать, все прошлое слилось в единое неосознательное, бесконечно далекое, но многим и дорогое для нас. Возврата туда нет и повтора тоже не будет. Машины времени еще не изобрели, да она, наверное, и не нужна для души. ...Бренность нашего существования скрашивают только минуты творчества, и они всегда возвышаются над всем... В деревню езжу ради любопытства и отдыха. Там полное затишье и еще пахнет стариной. Старики были единственным мостком, соединявшим нас с прошлым – бедным, но гораздо более человеческим.

1992, 5 сентября. ...Вот уж эти “реформы”! Видно, зарубежные спецы подучили наших ослов от экономики и политиков заодно, как еще ниже придавить людей к земле, чтобы всех сделать быдлом – и чернь, и интеллигенцию.

1993, 24 марта. ...Поэзия и проза для тебя, что две руки, которыми ты одинаково свободно владеешь.

27 июня. ...Хотя ты и отдал полжизни журналистскому труду, а Слово у тебя отнюдь не потускнело (чего я, собственно, всегда боялся применительно к себе), и выручает тебя не только природный талант, но книжное изобилие, а это – не побрезгуй моим крестьянским сравнением – то же удобрение, навоз в творческую почву.

30 октября. ...Мамона, золотой телец ликует. Человек окончательно попал в их сети, даже часть пожилого населения.

1994, 3 ноября. ...Многое поныне в яви из нашего прежнего жития. Вспоминаю, как вы с Филей начали меня приобщать к серьезному литературному действию. Замечательная была пора, полное отдохновение души. И трудно сказать, что было первым открытием для меня – Камчатка или ты. Володю, Лешу, Фило вижу воочию. А здесь меня согревает только природа да память об усопших родственниках. Как нарочно, они враз преставились, словно знали, какое мерзкое время грядет вскоре.

1995, 5 ноября. ...Я убежден, что ты напишешь еще много нового, свежего, сильного, да и наследие твое не потускнеет, т. к. ты никогда не подстраивался под жизнь, а шел всегда наперекор ложному, лицемерному ради, по-моему, высшего из благ – справедливости. Ведь любовь, добро – одно, а правда и справедливость другое. И они должны бесспорно перевешивать во всех случаях жизни. ...Понятно мне твое состояние: Володе замены нет. Проведывай его почаще, ему от меня поклон заочный, посетить его последнее пристанище мне едва ли когда доведется...

1996, 5 апреля. ...Да, Володя – человек особенный: он, обладая магическим талантом, излучал какой-то всепроникающий свет; никогда ни перед кем не пасовал...

3 июня. ...С утратой Науменкова ты многого лишился. Он привлекал твердой уверенностью в пользу своего дела, постоянной зараженностью здоровым интересом ко всей окружающей действительности, вплоть до мелочей. Мне кажется, романтиком и идеалистом он не был никогда, но и нигилистом – точно, а вот какой-то явный творческий и житейский оптимизм был у него во плоти. Все-таки крестьянских корней и крови. ...Половину времени провожу в деревне. Там все так же хорошо. Часто предстает картина, что так нравилась тебе: белые торжественные облака, медленно плывущие на синем фоне, а на земле – зелень, посвист птиц и какая-то отрешенность. Но нет, пожалуй, главного – прежних добрых обитателей деревни: ее стариков и старушек. Не с кем словом перемолвиться...

1997, ноябрь. ...Мне до яркости помнится 7 ноября, когда мы отмечали твое 35-летие в старинном тишайшем Никулино в уютной бабушкиной хатенке и в ее присутствии. Снова и снова перечитываю твои описания той поры, испытывая одновременно невыразимую грусть и наслаждение. Как верно и образно подметил ты и лик природы, и настроение дня совсем поздней осени, и весь деревенский уклад. ...Погода нынче скверная, даже хуже той, что наблюдал ты в то незапамятное время в Никулино. Всю осень – дожди, да и летом редко переставали. Самый пик лета, июль, ливни заливали. По крайней мере, старые люди такого не помнят. И вообще, климат у нас, будто по чьей-то злой воле, стал резко ухудшаться. Вот по этой причине я стал сильно недолюбливать влагу и всю эту болотистую низменную Московию – средоточие всех зол.

1998, ноябрь. ...Сильно все же ты написал про Дунечку! (Очерк впервые опубликован в 1993 в “Камчатской правде”, а в 2006-м вошел в книгу художественной прозы и поэзии “Солнце изнутри”. – В. П.). Так мог написать только классик XIX века. Тут и картинки природы, и жизни, и быта. Все неразделимо. Прямо у тебя вырвался какой-то волшебный экспромт. В Никулино я не хаживал уже второй год, а сейчас, тем более, осенью... Вода в речке холодная, по деревне сплошные травяные заросли, переплетенные с кустарником и деревьями. На месте бывлых усадеб особенно буйная растительность. Посмотришь так издалека на то место, и какая-то боязнь входит в душу – неужто это было когда-то с тобой на свете: ты там жил, дышал, и вот не стало того уголка, а ты, вроде бы, еще живешь вопреки закону света... И людей старинных не стало. Ушли и забрали с собой самое ценное, самое святое, чем наделен человек как разумное существо, – доброту, ласку, тепло, удивительную рассудительность. ...А как ты поживаешь? Камчатцам, я думаю, негоже унывать. Их должен закалить суровый и романтический край, не чета нашему пошлomu российскому.

Камчатка, ты близка и далека,
Никто твоей свободе не мешает.
Взираешь на Россию свысока,
Над океаном гордо возвышаешь.
Расправив плечи мощные хребтов,
Увенчанные солнцем восходящим,
Пленяешь первозданной красотой,
С течением времен непреходящей.

1999, 15 марта. ...Получил от тебя два письма на деревню. Одно с твоими стихами и других камчатцев (газету), другое с моим сборником – моей первой книжкой. Рад, безмерно рад, что про-

изошло такое явление... Христианин ты настоящий. Так поступали лучшие литераторы прошлого столетия, оказывая помощь своим товарищам. Бог за это прибавит тебе лет, доброго здравия, энергии и удач на твоём поприще. Ты довел до известности мое имя, теперь и умирать мне в свое время будет спокойнее: как-никак след или свет свой на земле я оставил.

29 октября. ...Пишу мало, бессистемно, опять-таки по причине хаоса и сумятицы в общественной жизни и сознании. В подсознании то и дело возникает вопрос: а зачем и кому это нужно? Золотой и серебряный века русской поэзии далеко позади, люди, если не на грани безумия, то тихого помешательства – это точно. Потому-то и писать, вроде бы, неуместно.

2003, 8 апреля. ...Я почитал и порадовался, что ты не ослаб духом и в творчестве. Стихотворения твои, как и прежде, не уступают кому бы то ни было из современников. Ну, а в прозе совершенный взлет. Я так писать не могу.

2004, 29 октября. ...Основная же беда твоей недостаточной проявленности на российском фоне – все-таки провинциальная оторванность. Столичные оболтусы всегда будут на арене, поскольку они столичные, т. е. витринные. Но я уверен, что имя твое все равно станет известно общероссийскому обществу в дальнейшем. ...Стихи пишу, но редко, ибо цели явно нет, а будущее довольно расплывчато.

2007, 22 января. ...Живу в основном в деревне (Нижнем Путимце. – В. П.), лучше назвать ее хутором, поскольку дворов в ней осталось меньше, чем когда-то в Никулино. А зимой тем паче жителей почти нет. Одно удовольствие: зима нынче не отягощает – совсем без снега и температура плюсовая, а декабрь уже пролетел. И дальше будет такая погода, согласно прогнозам. Так что климат стал полностью европейский. Да и люди, особенно молодежь, стали не те. Им неведомы снеговые картины и белое раздолье. В хате тепло, благо, дрова повсюду: усадьбы кругом заброшенные и, соответственно, сады. Колхозные поля засеваются только на треть, остальные площади – дикое поле: польнь, бурьян, репейник до самого горизонта. Фермеры тоже опустили руки перед этой неразрешимой проблемой. Вот и бродят охотники стаями, постреливая в воздух; дичи также не густо. Тепло, пасмурно, безветрие, а ведь когда мы отмечали твою годовщину (35-летие. – В. П.) в Никулино, было совсем иначе. Стихов пишу мало, да и то, не лежа в постели, а прогуливаясь в окрестностях. Лет через 10 и от нашего хутора ничего не останется, только память о предках, живших здесь в разное время и давно переселившихся на сельское кладбище. Там, в селе (Верхнем Путимце. – В. П.), многолюдно, служит церковь, хотя посещают ее одиночки – то ли из-за неверия, то ли из-за неохоты. Частенько читаю твою книгу, чаще всего стихи и очерк о Дунечке. Учитель, что делал фотографии никулинских обитателей, часто спрашивает о тебе.

10 ноября. ...Получил от тебя послание в виде двух бандеролей. Особенно понравились твои мемуары, связанные с нашим общим пребыванием в “Уловах” (рыбацкая многотиражка конца 1960-х “За высокие уловы”. – В. П.). Пишешь ты чрезвычайно живописно и захватывающе, даже приключенчески – а что дальше будет? Так и читаешь все время с нетерпением. Прозаик ты явно первостатейный. Да, дела давно минувших дней... Поразила твоя необычная память на те, далекие теперь, события. В одном хочу дать тебе совет. Поскольку, как я вижу, твой творческий потенциал еще не совсем истрачен (я имею в виду прозу) – используй его на всю катушку. Ты много времени и сил уделяешь малозначимым делам как-то: переписке, аннотациям, историческим справкам, почтовым пересылкам. А ведь за это время можно сосредоточиться всецело на своем и выдать новое – очередное в своем восхождении. То есть, поменьше спонсорства и заботы о товарищах по перу, а побольше себе во благо. Полагаю, ты уже сделал для других (и для меня в том числе) немало. Ведь годы-то напирают, а время, оно и минуты займы не даст, если мы сами не выкроим... По Камчатке не скачу. Полностью согласен с тобой, где ты пишешь, что море тебе чуждо. Оно подавляет своей величиной. По юности я мечтал о нем и, поступив в свое время в мореходку, поплавал бы по свету впоследствии вволю. Была страсть... Но родные места дороже.

28 декабря. ...Да, “Уловы” ...Эта газета словно была создана для нашего совместного творчества, и, наверное, не ошибусь, если скажу, что такой демократической обстановки, как в нашей газете, не было нигде в подобных редакциях. Нам крупно повезло и бесспорно замечательным образом повлияло на нашу дальнейшую жизнь в этом смысле. А ведь, кажется, недавно совсем это было. Но столько времени прошло... Все же есть какое-то несоответствие между сутью времени и ореолом вокруг него. Я бы определил время как плоть, которая быстро стареет и изнашивается и в конце концов превращается в прах, а вот все непреходящее в нем, особенно прекрасное – есть душа, и она имеет право на бессмертие. Пишешь ты великолепно, включая все нюансы многих жанров, но и на мемуары твои воспоминания не похожи, они словно только что из прошедшего дня – свежи и актуальны. Я будто заживо повстречался с Володей, Лешей, сотрудниками газеты.

2008, ноябрь. ...Получил сборник “Три Брата”. Сборник – что надо: ни к чему не придерешься. Что касается моих вещей в нем, я всегда полностью полагаюсь на твой вкус. Я доволен моей частью в сборнике, т. е. своим участием в нем. Спасибо за включение в сборник “Через Рыбницу” – очень дорогого для меня стихотворения: в нем моя бабушка... Теперь о твоём отрывке из романа. Судя по фрагменту, ты в нем ничуть не слабее, чем в “Солнце изнутри”; повесть вещь сильная, может быть, малость не достаёт до Чехова и Короленко. Но особенно меня удивило и обрадовало то, что твоя книга оказалась востребованной в Кембридже (США) и Эдинбурге. Талантливые русские книги должны быть обязательно известны цивилизованному и свободному читателю. Я выпью за тебя по этому поводу (правда, стало не с кем).

28 декабря. ...Думается, в последней четверти XX в. мы все же познали суть многих явлений и докопались до истины, за что и благодарны тому времени, а оно, несомненно, и нас соответственно оценило. Но, коли нам выпало попасть в другой мир, вернее, эпоху, то надо и к ней приспособиться, пока она не вычеркнула нас из своего пространства или не вытоптала вовсе. Я рад, что ты освоился с новыми условиями благодаря своему неукротимому творчеству... Я больше поостыл в прежних дерзаниях и исканиях и теряю силы, как бы скользя по инерции.

2011, 25 декабря. ...Володина книга “Вершина Вольности”, которой покойный поэт наполовину обязан твоим стараниям, по-особенному порадовала меня тем, что в нее включены ранее не известные мне вещи. Это лишний раз доказывает, каким многоплановым и значительным художником был Володя, хотя тернии на его пути подчас были непролазные. Первое, что западает в душу при взгляде на поэзию Володи – его непостижимая современность, на какие бы темы он ни писал. Такие таланты не стареют, они всегда востребованы. Но теперь, кажется, на Камчатке ты его законный преемник по всем статьям. Что нового создал или намечаешь? Передавай привет своим. ... Да, хотел еще добавить – Гропянова я все-таки уважал, хотя и знал близко совсем мало. Но был он, по-моему, независимого нрава и всегда придерживался этого правила.

2012, 22 октября. ...В творчестве у тебя солидный опыт, да и вдохновение, я думаю, наверняка часто посещает тебя – что еще нужно от жизни? Абсолютно ничего, кроме здоровья. Все, что прислано тобой, получено, но отвечать мне стало как-то неохотно, если признаться по совести. Сейчас это в нашем возрасте выглядит как-то наивно, поношенным что ли. Иное дело – юношеская пора, когда все бурлит – и душа и плоть. Я бы сказал о своем правиле – умеренность, ее максимум в переписке. Это не лень, а затухание творческого маятника, и с этим ничего не поделаешь. Хорошо, что у тебя настрой еще боевой (у кого-то он должен быть таковым), хотя, как ты пишешь, настоящих товарищей с тобой рядом не осталось, а тут еще женщины лезут не в свою тарелку (это о литераторшах). Но, я думаю, несмотря ни на что ты все-таки завоевал прочные позиции в литературной жизни и ее истории на Камчатке и в душах определенной ее части. Навсегда. Не знаю, как почитают Володино наследие. Да если бы не ты, оставаться ему в тени. ... Живу, как жил. К творчеству рвения не проявляю – только по наитию души... С местными литераторами в связи не вступил. Думаю, все равно отвергли бы. Замечательно, что ты запечатлел Никулино в “Дунечке”. Картина до сих пор живая. До свидания. Анатолий».

Литературная судьба русского поэта Анатолия Ивановича Санькова могла сложиться по-иному, останься он жить на Камчатке. Но история каждого человека, как и история народа, не имеет сослагательного наклонения.

О. А. Пыжьянова
ПЕРСОНАЖИ КАРТИНЫ ВАДИМА САНАКОЕВА
«У КОЛДУНЬИ-ГОРЫ»

2013 г. в Камчатском крае объявлен Годом национальной культуры, посвященным памяти Александра Гиля – заслуженного артиста РСФСР, почетного гражданина Петропавловска-Камчатского, балетмейстера, основателя Государственного академического корякского национального ансамбля танца «Мэнго». 18 марта 2013 г. Александру Гилю исполнилось бы 70 лет.

К этому событию была приурочена выставка «Жизнь в танце», которая прошла в залах Камчатского краевого художественного музея. Посетители выставки увидели живописные произведения Вадима Санакоева, Юрия Назарова и других художников, запечатлевших выступления ансамбля «Мэнго», портреты Александра Гиля и его артистов, а также сценические костюмы, фотографии,

документы, книги, афиши, буклеты. Экспонаты рассказывали о творческом пути, которым прошел ансамбль «Мэнго» под руководством его создателя и первого художественного руководителя.

Одним из центральных экспонатов выставки было монументальное художественное произведение «У Колдуньи-горы» кисти известного камчатского художника Вадима Санакоева. На полотне художник ярко передал национальный колорит корякского праздника, который пришел в современную жизнь из далекой древности.

Колдунья-гора находится в Карагинском районе. С одного склона горы виден залив Тихого океана – Залив Литке, другой склон обращен к величественному Срединному хребту. А у подножия горы расположено село Карага. Именно здесь с древних времен отмечается самый большой праздник карагинских коряков – «Хололо». Он начинался поздней осенью, после окончания морского промысла, и длился более месяца до наступления зимнего охотничьего сезона. В древние времена коряки, совершая на празднике ряд ритуалов, выражали духам моря свою благодарность за прошедший промысловый сезон и просили удачу на будущий сезон.

На картине все заднее пространство закрывает склон Колдуньи-горы, он местами покрыт снегом, а на переднем плане совершенно фееричное праздничное действие. «Праздник “Хололо”» сконцентрировал в себе древние обычаи, ритуальные танцы, это праздник, на котором можно отведать оригинальные корякские национальные блюда, увидеть в полном блеске праздничную одежду, услышать песни, перешедшие по наследству от предков, и проследить, как рождаются новые, быть свидетелем соревнований игры на бубнах, соревнований женщин в танцах, а мужчин в силе, ловкости и удалости. Здесь, на празднике, обнажаются истоки корякской музыки, танца, песни и народного мимического театра», – так описал праздник этнограф, собиратель камчатского фольклора Владимир Малюкович, который присутствовал на таких праздниках в конце 1960-х гг. (1, с. 59).

Уникальность традиционного праздника северян Вадим Санакоев передал с большим вдохновением и искренностью. В картине «У Колдуньи-горы» достоверно изображены хозяйственная утварь, постройки, праздничная одежда, точно переданы жесты и пластика движений. Однако этнографическая точность – это одна из линий жанровой многофигурной композиции. Картину можно охарактеризовать как групповой портрет, причем участники древнего праздника имеют портретное сходство с известными писателями Камчатки: Георгием Германовичем Поротовым, Владимиром Владимировичем Косыгиным (Коянто) и артистами национальных ансамблей. Во время подготовки выставки сотрудники музея попытались отыскать источники, по которым можно было бы составить список персонажей картины, но оказалось, что ни в воспоминаниях, ни в исследовательских статьях таких сведений еще никто не публиковал. Тогда решено было обратиться к ветеранам ансамбля «Мэнго» с просьбой помочь установить фамилии персонажей картины. Они быстро отозвались на нашу просьбу. Екатерина Трифонова Гиль – заслуженная артистка России передала в музей записку, в которой ею были подписаны более двадцати портретов, а еще в записке было несколько строчек с ее собственными воспоминаниями о Вадиме Санакоеве и о бывших корякских праздниках. Сведения Екатерины Трифоновны дополнили Иосиф Иннокентьевич Жуков и Марина Евгеньевна Беляева.

Но прежде чем перейти к описанию героев картины, хочется привести текст из записки с воспоминаниями Екатерины Трифоновны Гиль.

«Вадим Санакоев любил и восхищался культурой малочисленных народов Камчатки.

Картиной “У Колдуньи-горы” художник хотел показать масштабность бывших празднеств на Камчатке, когда аборигены съезжались со всех мест погостить и показать свои таланты в пении, танце, посостязаться в национальных видах борьбы, в гонках на оленьих упряжках, а то и выбрать себе невесту, которая была бы мастерицей, красавицей, хорошей продолжательницей рода.

Вадим Санакоев знал все национальные коллективы [Камчатки], знал, когда они находят проездом через Петропавловск-Камчатский и использовал любой момент, чтобы зарисовать или пригласить артиста на позирование. Смеялся над тем, что мы всегда были нетерпеливы – сидеть час и более в одной позе было тяжело, но власть и обаяние нашего друга, видимо, брало верх, тем более, он дальновидно говорил, что это на века останется – надо. “Невозможные мои!” – так он нам говорил всегда при встрече, метко вглядываясь в наши лица, и непременно приглашал посетить его мастерскую, где уже пахло кавказским шашлыком, резаными овощами и фруктами. Бегло мы сообщали, куда держим путь на сей раз, и Вадим быстрыми мазками наносил краски на холст, где мы остались навечно молодыми, полные задора и молодости».

Между художником, артистами ансамбля «Мэнго» и их руководителем Александром Гилем существовала давняя и крепкая дружба. Их первая встреча произошла в 1971 г., когда Вадим Санакоев